

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ В ТРАКТОВКЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛИСТОВ (1860–1880-е гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 (№ 14. В25.31.0009).

Рассматриваются варианты трансформации национально-государственного устройства России в ходе осуществления социалистической революции, предложенные русскими социалистами. Указывается, что в 1870-е гг. становится очевидным отказ от безусловности соблюдения права наций на самоопределение и федеративного устройства будущего социалистического государства. Проблема отношения к государственной власти раскалывает народников на два течения. М.А. Бакунин, сохраняя приверженность федерализму, настаивал на полном отказе от принудительных функций государства. Другое направление, пришедшее к выводу о необходимости сохранения государственной власти и в социалистическом обществе, рассматривало возможность разной степени централизации.

Ключевые слова: федерация; анархия; принцип национальности; национальное государство.

Традиционное для советского периода историографии противопоставление взглядов революционных народников на решение национального вопроса другим направлениям общественной мысли России сменялось идеей о том, что при наличии естественных для различных политических течений подходов к национально-государственной политике, все разновидности русского национализма были сущностно однородными в базовых представлениях об исторической предопределенности великорусской гегемонии в славянском мире и мессианстве русской нации (понимаемым по-разному) [1. С. 79–81; 2. С. 206–209]. При определении будущего национально-государственного устройства России это приводило русских социалистов к отрицанию принципов федерализма и полному торжеству унитаризма. Представляется, что данный подход упрощает народническую трактовку перспектив и направленности революционной трансформации Российской государственности. Если в отношении необходимости разрушения российской империи революционные народники были единодушны, то понимание ими формата национально-государственной организации послереволюционного общества различалось радикально. По существу, каждый из теоретиков народничества, обратившийся к данной проблеме, предлагал свой оригинальный проект решения национального вопроса в социалистическом государстве.

Опыт национальных процессов Европы второй половины XIX в. привел М.А. Бакунина к выводу о невозможности реализации свободы личности и достижения национального единства в рамках государственной формы организации общества. Альтернативным вариантом реализации «принципа национальности», по его мнению, являлась гармонизация с принципами свободы и справедливости. В таком случае задача борьбы за национальное освобождение объединяется с борьбой за ликвидацию социального гнета. Достижение социального равенства создает возможность истинной консолидации нации, так как в таком случае исчезает социальная рознь.

Трансформация взглядов М.А. Бакунина на перспективы государственного и национально-государственного устройства во второй половине 1860–1870-х гг., как правило, связывается исследователями его деятельности с разочарованием в возможностях

национально-освободительных движений в результате поражения Польского восстания 1863 г. [3. С. 172]. В литературе противопоставляется формат федерации, предложенный М.А. Бакуниным в 1864 г. и развитый в последующих работах, ранним проектам, поскольку начинается его переход к идеям анархизма, что исключало государственность как элемент организации федерации [4. С. 299–300].

Представляется, что в работах после 1864 гг. М.А. Бакунин впервые предложил подробный и развернутый механизм, структуру будущего федерального устройства славянского мира и Европы. Ранее речь шла о самых общих принципах возможного объединения народов. Большинство ранних источников – публичные выступления, резолюции, формат которых исключал детализацию [5. С. 47–63; 6. С. 68].

Социалист считал все современные ему государства по своей природе централизованными, военизированными, деспотическими, несмотря на конституции и республиканский строй [7. С. 100–102]. Даже революции не способны были изменить содержание государственной власти. Размышляя о перипетиях французской революции, М.А. Бакунин говорил: «Да, странная вещь эта великая революция, впервые в истории провозгласившая свободу не только гражданина, но и человека: став наследницей монархии, которую она убила, она воскресила в то же время отрицание всякой свободы – централизацию и всемогущество Государства» [8. С. 125–126]. Социалист выступал за уничтожение этой внутренней природы государства.

Что же касается отказа от государственной формы организации общества, то анализ трудов М.А. Бакунина позволяет говорить скорее не о ликвидации государства, а его децентрализации как способе перехода к народовластию. Революционер предлагал устранить инструменты прямого подавления общества и личности – бюрократию, армию. В его проектах предлагались широкое местное самоуправление, принцип выборности как универсальная основа формирования властных структур [9. С. 51–64]. Это не исключало существования власти и порядка. Выстраивалась четкая иерархия уровней федерального устройства: федерация – нация (государство) – провинция – община [9. С. 48–49]. Фактически национально-территориальное деление сохранялось. Устранялись государ-

ственные атрибуты, ограничивавшие свободу личности: границы, паспорта, гражданство (как фиксирование страны проживания) [10. С. 66].

Нельзя согласиться с традиционным упреком М.А. Бакунина в смешении территориальной и национальной автономии как появления негативного отношения к национальному фактору [4. С. 303]. Любая нация как самостоятельный социальный организм имела неотъемлемое право выходить и входить в состав федеративного государства [9. С. 67]. Права нации на самоопределение были равны праву на самоопределение любой самостоятельной территории, входящей в государство. Нация как социальный организм, таким образом, не имела никаких привилегий, но и никаких поражений.

Социалист достаточно четко структурировал элементы федерации: территориальные образования (общины и провинции) рассматриваются как субъекты национальных (государств). Речь шла о максимальной самодостаточности общин и невозможности ущемления их прав государством и выстраивании власти «снизу вверх» [Там же. С. 65].

В то же время, описывая будущее устройство социалистического общества, народник четко противопоставил принцип федерализма принципу национальности. Принцип федерализма предполагал самоорганизацию общества снизу вверх от «свободной федерации индивидов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних – в Соединенные Штаты, сперва Европы, а затем всего мира» [8. С. 126]. Бакунин рассматривал национальность как один из элементов федерации, права которой точно такие же, как права всех других ее элементов – не наций. Но принцип национальности, провозглашавший исключительное право национальности на государственность, социалист отрицал [7. С. 100–101].

Право самостоятельной самоорганизации он признавал за любым элементом общества [9. С. 50–51]. По его мнению, единство было внутренней целью развития всего человечества, поэтому человек, осознав его, должен был стремиться сделать это единство совершенным через многообразие форм. Именно это многообразие свободно развивавшихся и взаимодействовавших между собой элементов общества обеспечивало свободу его развития, равно как и свободу развития личности. Абсолютизация любого вида единства – религиозного, национального – в ущерб другим в конечном итоге приводит к подавлению свободы в обществе [8. С. 130]. Следовательно, абсолютизация идеи права нации на самоопределение, стремление к созданию национального государства ущемляли свободу личности и ставили под сомнение права других форм сообществ.

М.А. Бакунин пришел к четкому убеждению в бесперспективности национального государства. Фундаментальной ценностью национальной жизни, как и жизни любого другого социального организма, является свобода. Свобода неосуществима в централизованном государстве любого типа: демократическом, монархическом, парламентском, консервативном или либеральном. Социальный организм может существо-

вать в пределах свободы только на основе самоорганизации снизу вверх. Принцип свободы неосуществим без принципа федерализма [7. С. 101].

Чужеродность государства в России проявлялась не только в деспотичном характере власти и подавлении народа, но и в том, что правящая династия, элита, была иностранной по происхождению. Даже государственная идеология была причудливой смесью татарской, византийской и немецкой традиции [11. С. 106].

Поэтому патриотизм, пропагандирующий любовь к государству, требующий его восприятия как символа национального единства, у русских отсутствовал. Российская империя никогда не воспринималась ими как русское национальное государство. Отсюда разрушение Российской империи должно иметь результатом не создание национальных государств, а непосредственный переход к общеславянской федерации [Там же. С. 108–109].

Границы будущих федеральных образований М.А. Бакунин четко не определял, поскольку в после-reволюционном мире, основанном на братстве народов, он утратит остроту и актуальность. Оговаривалось лишь наличие некоего «великорусского» ареала как места компактного проживания крестьянства, составляющего большую часть империи [12. С. 36]. Интересно очертывание им пределов великорусского этноса. Белоруссия и Украина определялись самостоятельными народами (причем Белоруссия со Смоленском), и, следовательно, западная граница вплотную приближается к Москве. Но социалист, видимо, вспоминая свое пребывание в ссылке, включает в великорусский ареал Сибирь, отмечая важность данного региона для будущего России.

Исходя из принципа самоопределения и добровольности вхождения в федерацию, М.А. Бакунин приглашал в нее и неславянские народы Литвы, Прибалтики. Финляндия как наименее исторически связанная с Россией, считал народник, вероятно, выйдет из ее состава, но в любом случае финны сами должны были определять союзников [11. С. 109].

У П.Л. Лаврова связь национальности с политической формой ее существования – государством выглядела иначе. Социалист был далек от отрицания государства вообще. Он считал, что любое государство носило классовый характер, что исключало возможность достижения в рамках государственной организации общества истинного народовластия. Принцип публичной власти основывался на подавлении свободы личности. Демократическое буржуазное государство, предполагавшее участие в выборах значительной части населения, по мнению П.Л. Лаврова, принципиально не меняло характера власти, основанной на подавлении большей части населения [13. С. 317].

Однако социалист не видел в обозримой перспективе реальной замены государственной форме организации общества. Поэтому государство он рассматривал как эффективный инструмент реализации общественных задач, который может быть использован революционной партией и таким образом стать орудием прогресса [13. С. 327]. То есть в зависимости от того в чьих руках находится государственная власть и

какие задачи перед ней ставятся, можно говорить о ее прогрессивном или реакционном характере. Так же не однозначна и природа национального государства.

Национальные союзы показали устойчивость и способность конкурировать с другими видами социальной солидарности. Они оказали значительное воздействие на формирование и развитие культуры на начальных этапах истории и смогли сохранить свое значение в последующие периоды. Особенно существенную роль в истории человечества сыграло взаимодействие национальной и государственной солидарности. В ранние исторические эпохи национальная солидарность являлась важнейшим фактором образования государств. В Новейшее время национальность стала основным элементом противостояния с государством, поэтому государственным идеалом стало совпадение политических и этнических границ. Но, по мнению П.Л. Лаврова, несмотря на указанное им историческое разнообразие форм взаимодействия национальности с другими общественными институтами, сама она осталась константой, не претерпев изменений за прошедшие тысячелетия: «Вообще на национальный союз едва ли не правильнее смотреть как на союз, приводящий к повторяющимся, а не к эволюционным существенным явлениям...» [14. С. 242–244].

Исторический процесс у П.Л. Лаврова связан с усилением роли критически мыслящих личностей, стремящихся к общечеловеческому универсализму. Данному прогрессивному процессу объективно препятствовали все социальные институты: семья, государство, национальность, поскольку они строились на принципах обособленности систем. Исторический прогресс, по мнению ученого, осуществлялся нелинейно, что иллюстрировалось развитием национальностей. Критический разум в силу стремления к общечеловеческому подавлял межнациональную вражду. Но национальная солидарность проявляла столь значительную силу, что стремилась к господству над другими формами социальной солидарности и показывала способность к сопротивлению эволюции под воздействием критической мысли [Там же. С. 344].

И в новейшей истории «роль национальности как элемента враждебности и шовинизма» столь значительна, что «историку или социологу легко переоценить ее истинный смысл» [Там же. С. 346]. Если в сфере социальных процессов, особенно социальной борьбы, национализм постепенно и неуклонно отступал под влиянием интернационализма, то во взаимоотношении с государством ситуация, по мнению социалиста, складывалась по-иному. Многие элементы общественной солидарности, ранее полностью контролировавшиеся государством, обретали автономию. Это более всего относилось к национальной солидарности, которая напрямую влияла на распад государств и формирование новых.

По мнению ученого, противостояние государственной и национальной солидарности пронизывало всю историю человечества. Но в XVIII в. буржуазные революции, провозгласившие идеи равенства и братства, сделали данное противоречие антагонистическим: «Тогда национальность и государство во всех

случаях, когда пределы распространения одной не совпадали с политическими границами другого, выступали как две враждебные силы» [14. С. 348–349]. Формируются два самостоятельных патриотизма (национальный и государственный), становившиеся враждебными в многонациональных государствах.

П.Л. Лавров не видел принципиальных различий в методах государственного управления мононациональными и многонациональными странами. В обоих случаях критерием эффективности деятельности государства была его способность обеспечивать прогресс в развитии общества. Унитарное государство, по мысли социалиста, демонстрировало худшие черты государственного способа организации общества – стремление к закреплению личности, подавление любой автономии посредством унификации политических условий жизни различных национальных групп и регионов, обособленных политически, экономически и географически. Оно затрудняло, таким образом, деятельность критически мыслящих личностей, являющуюся основой социального прогресса. Поэтому унитаризм как форма государственного устройства был неприемлем при любом этническом составе страны.

Важным элементом анализа П.Л. Лавровым сущности государства было определение разнонаправленной зависимости возможностей реализации его внешних и внутренних функций от размеров и степени централизации. Естественное стремление государства к внешней экспансии приводило к увеличению территории. Но чем больше становилось государство, тем значительнее были различия в экономическом, социальном, культурном устройстве регионов, его составлявших. Унитарное государство, игнорируя эти различия в своей правовой, административной системе, создавало благоприятные условия для роста сепаратизма. При этом П.Л. Лавров не различал региональный и этнический сепаратизм, но указывал, что в многонациональном государстве языковые, культурные различия, налагаясь на социально-экономические, усугубляли ситуацию [13. С. 333].

Стремление во что бы то ни стало сохранить целостность государства было чревато негативными последствиями. Опасными для общества, по мнению ученого, были долго длящиеся настроения сепаратизма. «Насилие, которое применяется против сепаратизма, – писал П.Л. Лавров, – скрывает и временно отодвигает опасность, но она еще более увеличивается для государства по мере увеличения в нем употребления насильственных мер. Растет взаимное раздражение граждан, что составляет худшее зло сепаратизма, кроме того, насильственные меры понижают человеческое достоинство и останавливают всякое развитие в обществе, которое к ним привыкает» [Там же. С. 320].

Универсальным средством борьбы с негативными проявлениями унитаризма русский социалист считал децентрализацию. Чем слабее диктат власти, тем больше будет возможностей для активной деятельности творческих личностей. Но среди главных препятствий процессу децентрализации он видел абсолютизацию принципа национальности. Приоритетность

задачи создания национальных государств перед необходимостью борьбы со всеми видами социального угнетения могла стать препятствием справедливого решения региональных проблем. Речь велась об объединении всех представителей одной национальности обязательно в одно государство, что, с точки зрения Лаврова, не являлось абсолютно прогрессивным принципом и однозначно оптимальным вариантом [13. С. 331].

Объединение Германии и Италии в единые государства не принесло их народам освобождения от социального гнета и не стало основой для прогресса. Более того, здесь очевидно усилились централистские тенденции и подавление личности, поэтому и для народов России создание национальных государств не принесет желанной свободы [15. С. 15].

Исходя из исторического опыта государств Древней Греции (ее раздробленность способствовала развитию античной мысли) или германских государств XVIII – первой половины XIX в. (давших миру замечательных философов), он заключал, что было бы предпочтительнее создавать несколько независимых государств на базе одной нации, если этот процесс проводить быстро и сознательно. Соперничество между ними в сфере политического влияния стимулировало бы проведение реформ, полагал П.Л. Лавров, и способствовало прогрессу нации в целом. Все сказанное привело русского социалиста к выводу, что «раздробление национальностей на независимые государства гораздо более способствует прогрессу обществ, входящих в состав данной национальности, чем соединение всей нации, говорящей каким-либо языком, под законы одного государства. Имея это в виду, прогрессивные партии должны более заботиться о независимости территорий, лежащих за пределами их политического отечества, но имеющих с ним общий язык, чем о включении их в одно государство» [13. С. 333].

Обращаясь к многонациональным государствам, ученый определял целесообразность их сохранения способностью господствующей нации обеспечить прогресс страны в целом. Столкновение национальностей представлялось ему естественным проявлением борьбы за выживание. Любая нация с момента возникновения стремилась к внешней экспансии и поглощению соседних народов. Поэтому в многонациональных государствах происходил конфликт двух разнонаправленных проявлений инстинкта самосохранения, исход которого мог заключаться «или в том, что сильнейшая национальность поедает слабейшую, подавляя мало-помалу ее особенности, или в том, что государственное единство все более стремится перейти в федеративный союз отдельных государств» [Там же. С. 334].

Господствующая нация старалась не допустить распада государства, угнетенная нация по той же причине боролась за отделение и независимость. По мнению П.Л. Лаврова, апелляция к прошлому, к историческому праву была неуместна для обеих сторон. Нельзя сохранить единство страны, опираясь на численное преобладание, военную силу. Но так же неверно оправдывать этнический сепаратизм абсолют-

ным приоритетом принципа национальности, т.е. правом народов на самоопределение. П.Л. Лавров оперировал не критерием справедливости, а критерием целесообразности. Его симпатии на стороне той противоборствующей стороны, которая более нацелена на прогресс, на радикальные социальные преобразования [1. С. 74]. Поэтому борьба угнетенной нации для социалиста оправдана, только когда речь идет об отделении от реакционного, отсталого государства [13. С. 334].

Степень прогрессивности нации в современную ему эпоху ученый определял готовность к совершению социальной революции. Например, в противостоянии славян с турками и немцами он отдавал предпочтение славянским народам в силу их меньшей привязанности к старой общественной системе, а следовательно, большей способности к радикальным переменам [16. С. 40]. Если же господствующая нация претендует на сохранение первенства, она должна стать лидером прогресса и предложить программу реформ, распространяющихся на все народы страны. Когда будет ликвидировано социальное угнетение, исчезнут причины для сепаратизма [13. С. 335–336].

Итак, для оптимизации внутреннего управления децентрализация является средством избавления от недостатков государственной власти и небольшие территориально-политические образования лучше обеспечивают развитие личности и общества. Но государство также должно реализовывать внешние функции. И здесь, по мнению П.Л. Лаврова, чем крупнее государство, чем сильнее централизация, тем оно успешнее на международной арене. Размеры и сила государства заставляют считаться с его мнением другие страны, что облегчает ведение дипломатических переговоров. В межгосударственных столкновениях шансов на выживание больше у страны более крупной, имеющей мощный государственный аппарат, в том числе армию [Там же. С. 321].

Решить задачу сочетания централизма во внешней политике и максимальной децентрализации во внутренней на период сохранения государства П.Л. Лавров рассчитывал с помощью реализации принципа федерализма. Федеративное государство предоставляло широкие и равные права своим субъектам при сохранении возможности объединения усилий для защиты от внешней агрессии [Там же. С. 324].

Обращаясь к опыту уже существовавших федеративных государств, публицист в целом позитивно оценивал уровень демократических институтов САСШ, очевидно выигрывавших в сравнении с Европейским унитаризмом. Но он одновременно указывал на недостаточную степень децентрализации Северо-Американской федерации. Основной административно-территориальной единицей здесь являлся штат – образование слишком крупное и не позволявшее в полной мере реализовать самоуправление. Более приближенной к идеалу федерации русскому социалисту представлялась Парижская коммуна, где предполагалось выстроить стройную систему взаимодействия автономий разного уровня. Но, к его сожалению, данный проект не был реализован [13. С. 323, 334].

Говоря о федерализации как способе избавления от унитаризма существовавших государств, П.Л. Лав-

ров считал ее универсальным средством, подходящим как для национальных, так и для многонациональных стран. В его трудах не определялись какие-либо особенности многонациональных федераций. Как и у других социалистов, предполагалась смешанная федерация, включавшая территориальные и национальные образования. Ученый считал, что «по мере прогрессивного развития общества государственный элемент доходит в нем до минимума». Постепенно исчезнут и основные атрибуты государственности. Поэтому использование государства в новом обществе будет носить временный характер [Там же. С. 338].

Следует отметить, что федерализм в трактовке П.Л. Лаврова претерпевает существенную трансформацию. Право наций на самоопределение, бывшее основополагающим принципом у М.А. Бакунина, утрачивает безусловный характер. Оно не отрицается, но подчиняется политической целесообразности и необходимости обеспечения прогресса народа. Тезис о преимуществах крупных государств также подталкивает к выводу о необходимости сохранения единства многонациональных государств в послереволюционный период с целью защиты от внешней агрессии.

Еще более значительные перемены в отношении социалистов к государству становятся очевидными в работах П.Н. Ткачева. Будучи лидером «якобинского» крыла в российском социалистическом движении, он считал необходимым использование государственной власти в интересах революционного переустройства общества. «Русский якобинец» не был согласен с доминировавшей в российском революционном движении идеей о том, что государство по своей природе подавляет личность и поэтому несовместимо с принципами социализма. В сценариях революций, предлагавшихся большинством русских социалистов, государство как форма организации общества должно было быть уничтожено в ходе революции либо постепенно отмереть в переходный к социализму период. По мнению П.Н. Ткачева, государство не имело имманентно присущего ему позитивного или негативного характера. Оно лишь служило инструментом реализации целей определенных социальных групп и сил. Именно их деятельность определяла направленность и характер государственной власти, его взаимоотношения с личностью и обществом [17. С. 251–252].

Он резко критично характеризовал идеи анархизма. Анализируя проекты анархистского устройства социалистического общества, П.Н. Ткачев указывал, что все они неизбежно реанимируют властные структуры, маскируя их иными названиями. Более того, предлагаемая концепция общественного самоуправления на практике должна была привести к установлению тотального контроля над личностью, более жесткого, чем в существующих типах государств. «Та же власть, которой вы хотите (если только вы ее хотите), подчиняет себе не только действия человека, но его внутренние убеждения, его самые сокровенные, интимные чувства, его ум, его волю, его сердце. Эта, безусловно, деспотическая, авторитарная власть поистине чудовищна. Это – власть церкви, это та власть, при помощи которой иезуиты устраивали в Америке свои фантастические коммуны» [17. С. 246–254].

Революционеры должны бороться за захват государственной власти и превратить ее в инструмент строительства социализма. Эффективность государства П.Н. Ткачев ставил в прямую зависимость от степени централизации государственного аппарата. Поэтому он считал лицемерной позицию социалистов, утверждавших возможность использования государства для строительства социализма, но при условии его децентрализации для уменьшения подавляющего воздействия на личность. В России, где преобладала поголовно неграмотная, темная и инертная крестьянская масса, движущей силой, разрушающей старое общество и создающей новое, П.Н. Ткачев видел небольшую по численности группу революционной интеллигенции [18. С. 266].

В таких условиях только жесткая централизация государственной власти позволяла выполнить сложнейшие задачи социальных трансформаций. Децентрализация не только препятствовала бы успеху создания социализма, но и увеличивала бюрократический аппарат на местах. Таким образом, федеральное государственное устройство П.Н. Ткачев считал не нужным, так как в социалистическом обществе ликвидируются национальные различия. Вариант смешанного типа федерации, предлагавшийся П.Л. Лавровым, был в его понимании просто нецелесообразным, поскольку, поощряя разнонаправленные местные интересы, препятствовал бы эффективному решению задачи революционного преобразования общества [17. С. 255].

Следует также учитывать значение революционной организации, которая в политической системе социалистического общества, по П.Н. Ткачеву, должна была выполнять роль руководящей и направляющей силы. Национальный принцип организации в структуре революционной организации исключался. В итоге анализ программы П.Н. Ткачева приводит к убеждению о планировании «русским якобинцем» жестко централизованного унитарного государства, политическая элита которого стоит на позициях национального нигилизма [19. С. 423].

П.Н. Ткачев с изрядной долей иронии комментировал идеи М.А. Бакунина о наличии у народов черт, определявших их предрасположенность к определенному типу государства. Он считал, М.А. Бакунин перелагал на народы ответственность за внешнюю политику, проводимую элитой их государств: «Отправляясь от фактов государственной, правительственной истории – истории дипломатии, он делает ответственным за них весь народ, он приписывает ему все те хищнические наклонности, все те властолюбивые похоти, которыми отличаются его правители и дипломаты» [20. С. 307]. Кроме того М.А. Бакунин, по его мнению, неправомерно экстраполировал на характеристику целого народа расхожие обывательские штампы, гиперболизируя одну из его черт.

Русский анархист ошибочно считал стремление национальности к объединению в рамках национального государства доказательством ее склонности к централизму, и, наоборот, разобщенность национальности была подтверждением прирожденного анархизма народа. Итогом всех заблуждений анархиста П.Н. Ткачев видел его представление о разной степе-

ни готовности народов к революции и анархистскому обществу: «Отсюда вывод: Испания, Италия и славянский мир стоят ближе всего к социальной революции. Германия, со своими Бисмарками и Марксами, — всего дальше» [20. С. 307].

Между тем активно дискутировавший с К. Марксом идеолог народничества одним из первых в русской социалистической традиции приходит к убеждению о классовой природе государства и отказывается от народнической идеи неизбежного антагонизма государства и народа, фактически предвзяв взгляды русских марксистов.

Отношение русских революционных социалистов к национально-государственному устройству претерпело во второй половине XIX в. значительную трансформацию. Доминирование идеи насильственного, революционного перехода к новому, более справедливому типу общества предполагало разрушение существующей организации государственной власти. Российская имперская власть воспринималась как абсолютно враждебная сила, угнетающая не только народы, насильственно включенные в состав России, но и собственно русский народ. Принцип общего врага создавал возможность союза русских с другими народами для ликвидации самодержавия и рассматри-

вался как предпосылка их послереволюционного сотрудничества.

В 1870–1880-е гг. проблема отношения к государственной власти раскалывает народников на два течения. М.А. Бакунин, сохраняя приверженность федерализму, настаивал на полном отказе от принудительных функций государства. В его трактовке нации, как и другие виды общественной консолидации, могли свободно развиваться в рамках федерации, имея равные права с территориальными единицами. При этом М.А. Бакунин отрицал безусловное право наций на создание своих государств.

Другое направление, пришедшее к выводу о необходимости сохранения государственной власти и в социалистическом обществе, рассматривало возможность разной степени централизации. П.Л. Лавров предполагал возможность федеративных отношений, П.Н. Ткачев считал их вредными. Но важнее было единство всех вариантов: во-первых, в утверждении неизбежности постепенного вытеснения национальностей социальными и профессиональными объединениями. Во-вторых, интересы наций всегда подчинялись задачам социального переустройства общества либо целям прогрессивного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. М. : Наука, 1986. 548 с.
2. Янов А.Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма 1825–1921 гг. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 362 с.
3. Полонский Вяч. М.А. Бакунин. Опыт характеристики // М. Бакунин неизданные материалы и статьи. М. : Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1926. С. 170–178.
4. Рудницкая Е.Л., Дьяков В.А. Рукопись М.А. Бакунина «Международное тайное общество освобождения человечества» // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. : Наука, 1974. С. 295–355.
5. Бакунин М.А. Воззвание к славянам // Избранные сочинения. Пг. ; М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 47–63.
6. Бакунин М.А. Внутреннее устройство славянских народов // Избранные сочинения. Пг. ; М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 68–69.
7. Бакунин М.А. Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1867 г. // Избранные сочинения. Пг. ; М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 100–102.
8. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Избранные сочинения. Пг. ; М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 121–216.
9. Бакунин М.А. Принципы и организация интернационального революционного общества // Материалы для биографии М. Бакунина. М. ; Л. : Госиздат, 1928. С. 39–113.
10. Бакунин М.А. Основы славянской федерации // Избранные сочинения. Пг. ; М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 66.
11. Бакунин М.А. Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. // Избранные сочинения. Пг. ; М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 103–117.
12. Бакунин М.А. Защитительная записка М. Бакунина от декабря 1849 – апреля 1850 г. // Собрание сочинений и писем (1828–1876 гг.). М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. Т. 4. С. 31–93.
13. Лавров П.Л. Исторические письма // Избранные сочинения на социально-политические темы : в 8 т. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 1. С. 163–396.
14. Доленга А. [Лавров П.Л.] Важнейшие моменты в истории мысли. М. : Типо-литография В. Рихтер, 1903. 998 с.
15. Лавров П.Л. Национальность и социализм. Женева : Вольная русская типография, 1887. 16 с.
16. Лавров П.Л. Вперед! Наша программа // Избранные сочинения на социально-политические темы : в 8 т. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 2. С. 23–41.
17. Ткачев П.Н. Революция и государство // Избранные сочинения на социально-политические темы. М. : Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. С. 246–254.
18. Ткачев П.Н. Народ и революция // Избранные сочинения на социально-политические темы. М. : Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. С. 262–268.
19. Ткачев П.Н. Революция и принцип национальности // Избранные сочинения на социально-политические темы. М. : Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. С. 405–424.
20. Ткачев П.Н. Анархия мысли // Избранные сочинения на социально-политические темы. М. : Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3. С. 303–338.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2016 г.

PROSPECTS OF THE RUSSIAN NATIONAL-STATE SYSTEM IN THE INTERPRETATION OF REVOLUTIONARY SOCIALISTS (1860S–1880S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 98–104.

DOI: 10.17223/15617793/407/16

Kudriashev Vyacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: federation; anarchy; principle of nationality; nation-state.

If on the need for the destruction of the Russian Empire revolutionary populists were unanimous, their understanding of the format of the national-state organization of the post-revolutionary society differed radically. In fact, each of the theorists of populism

referring to this issue suggested their original project of solving the national question in a socialist state. Bakunin believed all contemporary states were inherently centralized, militarized, oppressive, in spite of the constitution and the republican system. The socialist stood for the destruction of the inner nature of the state. The revolutionist proposed to eliminate the direct suppression of society and the individual: the bureaucracy, the army. In his projects Bakunin offered a wide local self-government, the principle of election as a universal basis for the formation of power structures. This does not exclude the existence of power and order. A clear hierarchy of federal system levels was built: federation – nation (state) – province – community. In fact, the national-territorial division was preserved. Lavrov's nationality connection with the political form of its existence, the state, was different. The socialist did not see the actual replacement of the state form of the society organization in the foreseeable future. Therefore, he regarded the state as an effective tool for the implementation of public tasks which can be used by a revolutionary party and thus become an instrument of progress. It should be noted that Lavrov's interpretation of federalism underwent a significant transformation. The right of nations to self-determination, Bakunin's fundamental principle, loses its unconditionality. It is not denied, but is subject to political expediency and the need to ensure the progress of the people. The thesis about the advantages of large states also pushed to a conclusion about the need to preserve the unity of multinational states in the post-revolutionary period in order to protect against external aggression. Even more significant changes with respect to a socialist state become apparent in the works of Tkachev. According to him, the state did not have an intrinsic positive or negative nature. It only served as a tool for achieving the goals of certain social groups and forces. It determined the direction of their activities and the nature of the government, its relationship with the individual and society. Tkachev put the effectiveness of the state in direct dependence on the degree of centralization of the state apparatus. In Russia, where illiterate, dark and inert masses of the peasantry prevailed without exception, the driving force destroying the old society, and creating the new one, according to Tkachev, was the small in size revolutionary intelligentsia group. In such circumstances, only the rigid centralization of state power allowed performing the complex tasks of social transformation. Decentralization not only hindered the success of socialism creation, but also increased bureaucracy in the field. Thus, Tkachev considered the federal polity unnecessary, as national differences were eliminated in a socialist society. The mixed type of federation Lavrov proposed was simply impractical in Tkachev's understanding, for encouraging divergent local interests would prevent the effective solution of the problem of the revolutionary transformation of society.

REFERENCES

1. Khevolina, V.M. (1986) *Revolutsionno-demokraticeskaya mysl' o vneshney politike Rossii i mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [The revolutionary-democratic idea of Russia's foreign policy and international relations]. Moscow: Nauka.
2. Yanov, A.L. (2000) *Rossiya protiv Rossii. Ocherki istorii russkogo natsionalizma 1825–1921 gg.* [Russia against Russia. Essays on the History of Russian nationalism of 1825–1921]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
3. Polonskiy, V. (1926) M.A. Bakunin. Opyt kharakteristiki [M.A. Bakunin. An experience of description]. In: Bakunin, M. *Neizdannyye materialy i stat'i* [Unpublished materials and articles]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselentsev.
4. Rudnitskaya, E.L. & D'yakov, V.A. (1974) Rukopis' M.A. Bakunina "Mezhdunarodnoye taynoye obshchestvo osvobodzheniya chelovechestva" [Bakunin's manuscript "International secret society of human liberation"]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg.* [The revolutionary situation in Russia in 1859–1861]. Moscow: Nauka.
5. Bakunin, M.A. (1920) Vozzvanie k slavyanam [Appeal to the Slavs]. In: Bakunin, M.A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Vol. 3. Petersburg: Moscow: Golos truda.
6. Bakunin, M.A. (1920) Vnutrennee ustroystvo slavyanskikh narodov [Inner structure of the Slavs]. In: Bakunin, M.A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Vol. 3. Petersburg: Moscow: Golos truda.
7. Bakunin, M.A. (1920) Rech' na kongresse Ligi Mira i Svobody v 1867 g. [Speech at the League of Peace and Freedom Congress in 1867]. In: Bakunin, M.A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Vol. 3. Petersburg: Moscow: Golos truda.
8. Bakunin, M.A. (1920) Federalizm, sotsializm i antiteologizm [Federalism, Socialism and antitheologism]. In: Bakunin, M.A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Vol. 3. Petersburg: Moscow: Golos truda.
9. Bakunin, M.A. (1928) Printsipy i organizatsiya internatsional'nogo revolyutsionnogo obshchestva [Principles and organization of the international revolutionary society]. In: Polonskiy, V. (ed.) *Materialy dlya biografii M. Bakunina* [Materials for the biography of Mikhail Bakunin]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
10. Bakunin, M.A. (1920) Osnovy slavyanskoy federatsii [Foundations of Slavic federation]. In: Bakunin, M.A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Vol. 3. Petersburg: Moscow: Golos truda.
11. Bakunin, M.A. (1920) Rech' na kongresse Ligi Mira i Svobody v 1868 g. [Speech at the League of Peace and Freedom Congress in 1868]. In: Bakunin, M.A. *Izbrannyye sochineniya* [Selected works]. Vol. 3. Petersburg: Moscow: Golos truda.
12. Bakunin, M.A. (1935) Zashchitel'naya zapiska M. Bakunina ot dekabrya 1849 – aprelya 1850 g. [Precaution note of M. Bakunin of December 1849 – April 1850]. In: Bakunin, M.A. *Sobranie sochineniy i pisem (1828–1876 gg.)* [Collected Works and Letters (1828–1876)]. Vol. 4. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
13. Lavrov, P.L. (1934) Istoricheskie pis'ma [Historical Letters]. In: Lavrov, P.L. *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected works on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
14. Dolenga, A. [Lavrov, P.L.]. (1903) *Vazhneyshie momenty v istorii mysli* [The most important moments in the history of thought]. Moscow: Tipolitografiya V. Rikhter.
15. Lavrov, P.L. (1887) *Natsional'nost' i sotsializm* [Nationality and socialism]. Geneva: Vol'naya russkaya tipografiya.
16. Lavrov, P.L. (1934) Vpered! Nasha programma [Forward! Our program]. In: Lavrov, P.L. *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected works on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
17. Tkachev, P.N. (1933) Revolyutsiya i gosudarstvo [Revolution and the state]. In: Tkachev, P.N. *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected works on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
18. Tkachev, P.N. (1933) Narod i revolyutsiya [The people and the revolution]. In: Tkachev, P.N. *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected works on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
19. Tkachev, P.N. (1933) Revolyutsiya i printsip natsional'nosti [Revolution and the principle of nationality]. In: Tkachev, P.N. *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected works on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
20. Tkachev, P.N. (1933) Anarkhiya mysli [Anarchy of thought]. In: Tkachev, P.N. *Izbrannyye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy: v 8 t.* [Selected works on socio-political topics: in 8 vols]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.

Received: 13 April 2016